

На правах рукописи

ЛУКЪЯНОВ Михаил Николаевич

**РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И РЕФОРМА,
1907-1914**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Санкт-Петербург – 2004

Работа выполнена на кафедре новейшей истории России
Пермского государственного университета

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
член - корреспондент Российской
Академии наук Р.Ш.Ганелин

доктор исторических наук,
профессор Б.Д.Гальперина

доктор исторических наук,
профессор М.Ф.Флоринский

Ведущая организация:

Северо-Западная Академия
государственной службы

Защита состоится _____ 2004 г. в 14.30 на заседании диссертационного совета Д 002.200.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Санкт-Петербургском Институте истории Российской Академии наук (197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук.

Автореферат разослан _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

И.В.Куклина

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Накануне первой мировой войны консервативные партии и организации составляли важную часть российского политического ландшафта. К консервативным фракциям принадлежало около трети членов III и IV Государственной Думы. Консервативные ежедневные периодические издания - «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Киевлянин» и другие – оказывали немалое влияние на читающую публику. Консервативные взгляды разделяла значительная часть высшей бюрократии. Свою приверженность идеалам российского консерватизма демонстрировал и глава государства – император Николай II.

Тем не менее консерваторы не сумели извлечь из этой ситуации долгосрочные выгоды. Рост недовольства властью в условиях первой мировой войны привел к крушению монархии. Одновременно с ее гибелью с российской политической арены исчез как самостоятельное идейно-политическое течение и сам консерватизм.

Лишь на рубеже 1980 – 1990-х гг. в российской публичной политике вновь появились партии и движения, идентифицировавшие себя с отечественными и зарубежными консерваторами. О преданности ценностям консерватизма заявили различные партии и движения, от КПРФ до СПС.

В этих обстоятельствах формирование адекватных представлений об историческом облике консерватизма в России выступает важнейшим предварительным условием корректной идентификации идейно-политических течений в прошлом и настоящем. Успешное решение указанной задачи помогло бы претендентам на консервативное наследие четче определить свое политическое лицо и избежать повторения ошибок, которые в начале XX в. привели российский консерватизм к краху.

Степень изученности темы. На сегодняшний день исторических исследований о российских консерваторах намного меньше, чем о либералах или социалистах. Победа большевиков в 1917 г. надолго предопределила исто-

риографическую моду. Вдобавок, события 1907-1914 гг. оказались в тени революции 1905-1907 гг. и обычно рассматривались в качестве своеобразной мирной интерлюдии между двумя эпохами войн и революций.

Такой подход к российскому консерватизму кануна первой мировой войны сложился еще до 1917 г. Авторы, писавшие о консерваторах, чаще решали не столько научные, сколько агитационно-пропагандистские задачи. Пожалуй, лишь очерк о правых партиях В.Левицкого вышел за рамки политической публицистики. Но постреволюционному времени в нем было уделено всего несколько страниц¹.

Те же тенденции сохранялись и в литературе 1920-х гг. Образы консервативных политиков и идеологов были намеренно снижены, а то и просто окарикатурены. К тому же события 1907-1914 гг. чаще всего оказывались в роли «довеска» к революции 1905-1907 гг. Не обходилось и без существенной модернизации облика российской правой начала XX в.: ее отождествляли с европейскими фашистскими движениями межвоенных лет². Вместе с тем, в 1920-е гг. появился целый ряд документальных публикаций, заметно расширивших доступ исследователей к важнейшим источникам по истории консерватизма³.

Начиная с 1930-х гг. консерваторы интересовали отечественных историков значительно меньше. Лишь в конце 1960 – начале 1970-х гг. вновь появились специальные работы, касающиеся различных аспектов консервативной идеологии и политики данного периода.

¹ См.: Левицкий В. Правые партии // *Общественные движения в России в начале XX в.* СПб., 1914. Т.3. Кн.5. С.347-472.

² См.: Любош С.Б. *Русский фашист Владимир Пуришкевич.* Л., 1925; Заславский Д.И. *Рыцарь черной сотни Шульгин.* Л., 1925; Залежский В.Н. *Монархисты.* Харьков, 1929 и др.

³ См., например: *Записка Дурново // Красная новь.* 1922. №6. С.178-199; *Из отчета о перлюстрации департамента полиции 1908 г. // Красный архив.* 1928. Т.2(27). С.139-159; Т.3(28). С.205-224; *Союз русского народа.* М., 1929.

В работах А.Я.Авреха и В.С.Дякина эти сюжеты рассматривались в связи с историей российского парламентаризма⁴. Специфической областью научных изысканий стала история «непролетарских» партий, в рамках которой затрагивались и консервативные политические формирования⁵. В духе господствовавших методологических установок особое внимание уделялось деятельности дворянских организаций, прежде всего их взаимоотношениям с властными структурами⁶. В более широком плане проблематика российского консерватизма нашла отражение в контексте анализа обстоятельств краха российской монархии⁷.

Несмотря на известное расширение научной проблематики и отказ от откровенно пропагандистского подхода к материалу, отечественные историки не могли не считаться с политическими догмами. Назойливо подчеркивалась политическая слабость российских консерваторов, переоценивалась степень их зависимости от самодержавия.

На рубеже 1980 – 1990-х гг. начался новый этап в развитии отечественной историографии российского консерватизма кануна первой мировой войны. Особое место среди проектов перестроечного и постперестроечного времени, посвященных российскому консерватизму, принадлежало очеркам «Национальная правая: прежде и теперь», вышедшим в 1992 г. под редакцией Р.Ш.Ганелина. В этом издании впервые в отечественной историографии была предпринята попытка комплексного анализа указанной проблематики в контексте истории международной правды. В том же году увидела свет книга

⁴ См., например: Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968; Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. (1912-1914). М., 1981; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978.

⁵ См., например: Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий России. Калинин, 1970. Ч.1; Спиринов Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984.

⁶ См.: Дякин В.С. Столыпин и дворянство. Провал местной реформы // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики в России. Дооктябрьский период. Л., 1972. С.231-274; Бородин А.П. Усиление позиций Объединенного дворянства в Государственном Совете в 1907-1914 гг. // Вопросы истории. 1977. №2. С.56-66; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. Л., 1981.

⁷ См., например: Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984.

С.А.Степанова – первая специальная отечественная монография о дореволюционных консерваторах⁸.

Заметно расширилась источниковая база исследований. Важную роль в этом сыграли документальные публикации, подготовленные под руководством Ю.И.Кириянова, особенно двухтомный сборник «Правые партии», который увидел свет в 1998 г. Были переизданы многие произведения консервативных теоретиков и публицистов: П.Е.Казанского, М.О.Меньшикова, Л.А.Тихомирова, А.Г.Щербатова и др.

Указанные изменения сказались в первую очередь на изучении политических процессов в России в начале XX в. Д.А.Коцюбинский провел первое в отечественной историографии капитальное исследование идеологии и политической практики крупнейшей умеренно-консервативной организации – Всероссийского национального союза⁹. Две монографии посвятил истории правых политических формирований Ю.И.Кириянов¹⁰.

Продолжалось изучение взаимодействия консервативных политических организаций, властных институтов и общества в целом, парламентской активности консерваторов, начатое в предыдущий период¹¹. Характерной чертой работ последних лет является трактовка консерватизма как самостоятельного фактора в идейно-политической борьбе, а не как пассивного объекта манипуляций властей. Признание консерваторов в качестве самостоятельных игроков на идейно-политическом поле способствовало более основательному изучению социальной базы отечественного консерватизма¹².

⁸ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914). М., 1992.

⁹ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

¹⁰ Кириянов Ю.И. Правые партии в России. 1911 – 1917 гг. М., 2001; Кириянов Ю.И. Русское собрание 1900 – 1917. М., 2003.

¹¹ См., например: Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988; Бородин А.П. Правая группа Государственного совета в 1906-1917 гг. // Отечественная история. 1998. №3. С.50-66; Кириянов И.К. Российские консерваторы в III Государственной Думе: эволюция парламентского поведения // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С.132-147; Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной Думе (1907-1912): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2003.

¹² См., например: Соловьев Ю.Б. Самодержавие, дворянство и проблема сближения с буржуазией в конце XIX – начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия Рос-

Особым направлением в современной историографии консерватизма стало изучение региональных консервативных образований. В 1990 – 2000-е гг. было подготовлено значительное число монографических исследований на эту тему, охвативших почти всю территорию России¹³.

Впервые после 1920-х гг. в отечественной историографии появились специальные работы, посвященные отдельным консервативным политикам¹⁴. Ценный биографический материал о консерваторах был помещен в энциклопедиях «Политические партии России. Вторая половина XIX - первая треть XX вв.» и «История России с древнейших времен до 1917 г.», в примечаниях к сборнику «Правые партии».

Важной новацией стала публикация серьезных исследований по консервативной идеологии. Наряду с общими очерками эволюции консервативной философии и идеологии появились специальные труды, посвященные политико-правовым и социально-экономическим воззрениям консерваторов¹⁵.

сии и Германии в конце XIX – начале XX в. Л., 1989. С. 68-84; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. Л., 1990; Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. 1993. №9. С.33-44; Корелин А.П. Объединенное дворянство (1906 – 1917) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX вв. СПб., 1999. С.338-353.

¹³ См.: Нарский И.В. Революционеры «справа»: Черносотенцы на Урале в 1905-1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994; Толочко А.П. Черносотенцы в Сибири (1905 – февраль 1917 г.). Омск, 1999; Стрелков А.Т. Черная сотня в центральном Черноземье. Курск, 2000; Михайлова Е.М. Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905 – 1917 гг. Чебоксары, 2000; Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905 – 1915 гг. Ярославль, 2001; Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии. 1903 – 1917. Воронеж, 2002 и др.

¹⁴ См., например: Архипов И.Л. Кривое зеркало российского парламентаризма. Традиция «политического скандала». В.М.Пуришкевич // Звезда. 1997. №10. С.112-124; Кирьянов И.К. Владимир Митрофанович Пуришкевич: человек-фракция // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998. С.105-122; Бородин А.П. П.Н.Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. №3. С.48-69; Богоявленский Д.Д. Н.Е.Марков и Совет Министров: Союз русского народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып.1. С.192-204.

¹⁵ См., например: Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России. Конец XIX – начало XX в. М., 1991; Раскин Д.И. Идеология русского правого радикализма в конце XIX – начале XX в. // Национальная правая прежде и теперь. СПб., 1992. Ч.1. С.5-47; Елисеев А.В. Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX в.: Дис... канд. ист. наук. М., 1997; Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999; Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; Репников А.В. Социальная проблематика в работах русских консерваторов начала XX в. // Призвание историка. Проблемы духовной и политической жизни России. М., 2001. С.202-220.

Вышла целая серия работ, в которых анализировались взгляды отдельных консервативных идеологов – М.О.Меньшикова, В.П.Мещерского, Д.А.Хомякова, С.Ф.Шарапова¹⁶. При этом самой популярной фигурой среди исследователей консерватизма являлся Л.А.Тихомиров¹⁷.

Предметом пристального внимания отечественных историков в последние полтора десятилетия стала проблема общего и особенного в консерватизме в России и на Западе¹⁸.

Существенный вклад в изучение рассматриваемой проблематики внесли зарубежные авторы. Впервые внимание к истории отечественного консерватизма начала XX в. было привлечено работами Х.Роггера, изданными в первой половине 1960-х гг.¹⁹

Эволюция консервативных политических движений в России в 1907-1914 гг. в общем виде рассматривалась в начале 70-х гг. Дж. Хоскинггом²⁰. На

¹⁶ См., например: Шлемин П.И. М.О.Меньшиков: Мысли о России. М., 1997. Соловьев Ю.Б. Князь В.П.Мещерский и его роль во внутренней политике в предвоенные годы // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С.249 – 265; Черникова Н.В. Князь Владимир Петрович Мещерский (к портрету русского консерватора) // Отечественная история. 2001. №4. С.126 – 139; Дронов И.Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. №10. С.57-84; Гусев В.А. Д.А.Хомяков: интерпретация девиза «Православие. Самодержавие. Народность» // Социально-политический журнал. 1992. №10. С.82-89; Конягин М.Ю. С.Ф.Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX - начало XX в.: Дис... канд. ист. наук. М., 1995; Суслов М.Д. Политическая программа С.Ф.Шарапова // Вестник Перм. ун-та. 2003. Вып.4: История. С.100-111. См. также: Смолин Б.М. Очерки Имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX – первой половины XX в. М., 2000.

¹⁷ См.: Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма (из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX - начале XX в.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1987; Милевский О.А. Л.А.Тихомиров: от революционности к монархизму: Автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 1996. Пролубников А.В. Концепция монархической государственности Л.А.Тихомирова: Автореф. дис... канд. полит. наук. М., 1998; Цыганов В.И. Идея русского самодержавия и ее развитие в творчестве Л.А.Тихомирова: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000 и др.

¹⁸ См., например: Национальная правая прежде и теперь: историко-социологические очерки; Исследования по консерватизму. Пермь, 1994-2000. Вып.1-6; Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып.1; Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт. Самара, 2002.

¹⁹ Rogger H. The Formation of the Russian Right // California Slavic Studies. 1964. Vol.3. P.66-94; Rogger H. Was There a Russian Fascism? // Journal of Modern History. 1964. Vol.36, №4. P.398-415; Rogger H. Russia // The European Right. A Historical Profile. Berkeley; Los Angeles, 1965. P.449-500.

²⁰ Hosking G. The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma, 1907-1914. Cambridge, 1973.

рубеже 70 - 80-х гг. появились капитальные монографии, касающиеся российского консерватизма кануна первой мировой войны²¹. Заметную роль в изучении истории российского консерватизма сыграли работы Д.Ливена о Государственном Совете и Х.-Д. Лёве о русском антисемитизме²².

В 90-е гг. рост националистических настроений в России стимулировал интерес ученых к проблемам, связанным с прошлым российского национализма, особенно его консервативных вариантов²³. Привлекли внимание язык консерваторов, специфика консервативных образов мира, ритуалы, церемонии²⁴. Вместе с тем в последние годы интерес к истории российского консерватизма на Западе начал ослабевать, что стало особенно заметным в связи с нарастанием активности в этой области отечественных ученых.

На сегодняшний день достигнуты значительные успехи в изучении политической деятельности консерваторов и консервативной политической доктрины. Однако остается недостаточно ясным, как консервативная политика соотносилась с консервативной политической философией, какими идейными установками руководствовались консервативные политики-

²¹ Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Revolution. The Nationalist Party, 1907-1917. New Brunswick, 1980; Rexheuser R. Dumawahlen und lokale Gesellschaft: Studien zur Sozialgeschichte der russischen Rechten vor 1917. Köln; Wien, 1980; Manning R.T. The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, 1982; См. также: Hosking G.A., Manning R.T. What Was the United Nobility? // The Politics of Rural Russia, 1905-1914. Bloomington, 1979. P.142-183.

²² Löwe H.-D. Antisemitismus und reaktionäre Utopie. Hamburg, 1978; Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; London, 1989.

²³ См., например: Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск, 2000; Löwe H.-D. The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772-1917. Chur, 1993; Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863-1914. De Kalb, 1997. В этот ряд можно включить и работы А.Л.Янова. См.: Янов А.Л. Россия против России: Очерки истории русского национализма, 1825-1921. Новосибирск, 1999; Янов А.Л. Патриотизм и национализм в России, 1825-1921. М., 2002. См. также: Янов А.Л. Русская идея и 2000-й год. New York, 1988.

²⁴ См., например: Löwe H.-D. Political Symbols and Rituals of the Russian Radical Right, 1900-1914 // Slavonic and East European Review. 1998. Vol.76, №3. P.441-466; Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1995-2000. Vol.1-2. См. также: Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. №2. С.119 – 128; Уортман Р. Николай II и популяризация его образа в 1913 г. // Новое литературное обозрение. 1999. №38. С.78 – 97; Уортман Р. Демонстрация набожности // Ab Imperio. 2000. №2. С.25 – 58.

практики, в чем российские и западные консерваторы были похожи и чем они отличались друг от друга.

Представляется, что выяснение этого помогло бы полнее реконструировать российские идейно-политические реалии и понять, почему российский консерватор так и не сумел обеспечить социальную стабильность и предотвратить катастрофическое развитие событий в 1917 г.

Объект исследования – российская консервативная идеология в начале XX в. Она выступает как проекция политической философии российского консерватизма на политическую практику, как система теоретических установок, ориентированная непосредственно на политический процесс. Выработка их предполагает редукцию, упрощение абстрактных теоретико-методологических принципов, возникающих в лоне политической философии²⁵.

Как и в любой другой политической идеологии, важнейшими структурными компонентами консервативной идеологии могут считаться оценка основных параметров существующего положения дел в обществе, социальный идеал и стратегические установки по его реализации. Консервативная идеология является «предполитическим» феноменом, интеллектуальной почвой для консервативной политической рефлексии, областью, где абстрактные построения встречаются с политической практикой, чтобы насытить ее идеями и смыслами²⁶.

При такой трактовке творцами консервативной идеологии оказываются не только консервативные политические мыслители, но и все участники консервативной политической деятельности, пытающиеся осмыслить собственные политические практики²⁷. В рассматриваемый период носителем консервативной идеологии выступала та часть общества, которая поддерживала по-

²⁵ См.: Гаджиев К.С. Политическая философия. М., 1999. С.342-348.

²⁶ См.: Nisbet R. Conservatism: Dream and Reality. Minneapolis, 1986. P.IX.

²⁷ Freedman M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford, 1998. P.132.

литические силы правее октябристов, проповедовавшие различные модификации принципа «Православие. Самодержавие. Народность».

Предмет и хронологические рамки исследования. Предметом изучения в настоящей работе является реакция консерваторов на процесс модернизации и его последствия в 1907 – 1914 гг. В указанный период модернизационные процессы в социально-экономической и политической сферах развивались параллельно, взаимно усиливая свое преобразующее воздействие на российскую действительность.

Цель и задачи исследования. Цель работы – проанализировать отношение консерваторов к реформам, глубоко повлиявшим на социально-политический облик страны накануне первой мировой войны. Для этого предполагается решить следующие задачи. Во-первых, вычленить основополагающие элементы российской консервативной политической философии, определить «теоретическую основу» подхода консерваторов к реформам. Во-вторых, выяснить отношение консерваторов к ключевым аспектам реформирования российского общества, их трактовку положения в стране, сложившегося под влиянием реформаторских мероприятий. В-третьих, проанализировать представления консерваторов об оптимальных вариантах организации общества. В-четвертых, сопоставить идеологическую и политическую практику российских и западноевропейских (прежде всего британских) консерваторов начала XX в., выявить в ней общее и особенное.

Методология исследования. В историко-социологической литературе по проблемам консерватизма доминируют три основные интерпретации консерватизма.

Согласно первой из них консервативная идеология непосредственно вытекает из психологической установки на привычное, неприятие перемен, особый склад характера, интеллекта. Под консерватизмом понимается не

столько политическая доктрина, сколько привычка ума, тип ощущений, образ жизни²⁸.

В рамках другого подхода консервативные идеи являются порождением политической функции консерватизма, состоящей в защите статус-кво. Поэтому под консерватизмом понимается любая идейно-политическая конструкция, обосновывающая любой реально существующий порядок²⁹.

Наконец, консерватизм может трактоваться как совокупность идей и ценностей. Этот подход наиболее широко распространен в современной литературе по консерватизму. Его основы были сформулированы К.Манхеймом, который увидел в консерватизме противоположность естественно-правовой мысли Просвещения³⁰.

Каждая из указанных концепций подчеркивает специфическую сторону феномена консерватизма, который имеет и психологический субстрат, и политическую функцию, и определенное идейное содержание. Другое дело, насколько они применимы для анализа конкретных разновидностей консервативной идеологии в начале XX в.

Очевидно, что психологическая концепция для этого явно не подходит, ибо ориентирована на исследование психологической, а не идеологической проблематики, и психологических консерваторов можно обнаружить среди поборников любой политической идеи.

Ситуационная и ценностно-идеологическая концепции также не безупречны: очевидно, что их фундаментальные послышки не вполне согласуются

²⁸White R. Introduction // *The Conservative Tradition*. London, 1950. P.1. См. также: Cecil H. Conservatism. London, 1912; Hearnshaw F. Conservatism in England. An Analytical, Historical and Political Survey. London, 1933; Oakeshott M. On Being Conservative // *Rationalism in Politics and Other Essays*. London, 1962. P.168-196.

²⁹ См.: Huntington S. Conservatism as Ideology // *The American Political Science Review*. 1957. Vol.51. №2. P. 454-473; Tännsjö T. Conservatism for Our Time. London; New York, 1990; Щербинин А., Щербинина Н. Консерватизм: удила или путы? // *Alma Mater*. 1992. №1. С.53-59; Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология // *Полис*. 1995. №4. С.60-68; Сокольская И.Б. Консерватизм: идея или метод? // *Полис*. 1998. №5. С.48-58.

³⁰ См.: Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С.572-668.

с историческим реалиям. Например, понимание консерватизма как идеологии защиты существующего порядка автоматически превращает в консерватора добившегося власти революционера. Между тем, даже получив власть, радикальные элементы чаще всего продолжают позиционировать себя в качестве сторонников нового, а своих оппонентов представляют поборниками традиции. Если в условиях относительной политической стабильности защита статус-кво остается *raison d'être* консервативной политической позиции, то в периоды серьезных общественных перемен консерваторы зачастую отвергают существующий социальный порядок.

Именно так реагировали на результаты Великой французской революции классики западноевропейской консервативной мысли - Э.Берк, Ж.де Местр, Л.де Бональд и др., настаивавшие на необходимости радикального изменения строя, утвердившегося вследствие революции. В подобных ситуациях отчуждение от статус-кво становилось отправным пунктом для разработки альтернативных моделей социально-политической организации. Консервативная идея с легкостью превращалась в противостоящую реальности утопию, которая предлагала восстановить древний, «истинный» дух и соответствовавшие ему социальные структуры.

В этом состояло существо выступлений консервативных романтиков первой половины XIX в. – А. Мюллера, Ф.Шлегеля, Р. де Шатобриана, Т.Карлейля и др. Не исчезла утопическая струя и из консервативной политической мысли во второй половине XIX - XX в. В российском консерватизме указанного периода она была ярко представлена в работах К.Н.Леонтьева, С.Ф.Шарапова, И.А.Ильина. Но исходя из ситуационной концепции этих классиков консерватизма нельзя даже отнести к консерваторам.

Казалось бы, более адекватна поставленным задачам ценностно-идеологическая концепция. Она предполагает соответствие конкретных идейно-политических форм некоему совокупному образу, созданному на основе вычленения общих характеристик консервативной мысли. Однако такое

конструирование заставляет вынести за рамки консервативной традиции те конкретные ее проявления, которые, в конце концов, оказались нетипичными. Это существенно упрощает реальную картину эволюции консерватизма, приводит к вольному или невольному смещению пропорций, когда то, что для современника выглядело нормой, у исследователя становится девиацией и наоборот.

Хотя британские консерваторы часто демонстрировали готовность к политическим компромиссам, из истории британского консерватизма нельзя исключить эпизоды, когда тори делали ставку на конфронтацию. В то же время, несмотря на куда большую политическую жесткость, свойственную континентальным, в том числе российским консерваторам, и среди них можно обнаружить сторонников гибкой политической линии. И если в рядах британских консерваторов находились не только Р.Пиль и Г.Макмиллан, но и Э.Бонар Лоу и М.Тэтчер, то и идейно-политическое многообразие континентальных консервативных традиций несводимо к идеологии Пангерманского союза, «Аксъон франсэз» или Союза русского народа.

Представляется, что оптимальным вариантом разрешения противоречий между общетеоретическими построениями и конкретно-историческим материалом является комбинация ситуационного и ценностно-идеологического подходов. В основу используемой исследовательской стратегии положена концепция политической идеологии М.Фридена. Согласно ей в консерватизме можно выделить общемировоззренческую составляющую, которая представляет собой философскую основу идеологии консерватизма. В этом качестве выступает комплекс взаимосвязанных идей, включающий положения о ведущей роли континуитета и традиции в жизни общества, тщетности попыток его переустройства на рациональных началах, необходимости жесткого контроля над индивидом, неравенстве людей, естественности иерархической организации общества, большем значении правильного подбора исполнителей, чем институциональных новшеств.

Эти общие посылки носят универсальный характер, их можно обнаружить в любой консервативной политической программе. Однако степень значимости каждой из них и конкретные их проявления в сфере собственно политической идеологии могут меняться от страны к стране, от эпохи к эпохе и зависят главным образом от характера и направленности вызова, брошенного консерватору его оппонентами. Таким образом, политический вызов придает абстрактному консервативному философствованию конкретность, превращает его в систему конкретных политических идей, противостоящих этому вызову.

Из вышеизложенного вытекает трактовка общего и национально-особенного в консерватизме. В политических доктринах консерваторов разных стран можно обнаружить много общего. Их идеологическую близость обеспечивает целый ряд факторов. Во-первых, общемировоззренческие, философские установки консерваторов совпадают. Во-вторых, складывание консерватизма как особого идейно-политического течения происходило в европейских странах практически одновременно. Он был порождением интеллектуальной оппозиции Просвещению и Великой Французской революции. В условиях социально-политических потрясений конца XVIII – начала XIX вв. привязанность к традиционному жизненному укладу трансформировалась в последовательную программу борьбы против модернизации социально-политических структур. В-третьих, консерваторы всегда пытались решить в сущности один и тот же вопрос: как в условиях бурных перемен, в противостоянии либералам и социалистам, обеспечить сохранение преемственности, континуитета в общественном развитии. Наконец, важен и субъективный момент – осознание консерваторами разных стран своего идейно-политического родства. Российские консерваторы подчеркивали свое родство не только с отечественными мыслителями и публицистами – Н.М.Карамзиным, М.П.Погодиным, К.Н.Леонтьевым, М.Н.Катковым, К.П.Победоносцевым, но и с западными консервативными писателями – Э.Берком, Ж.де Местром, Л. де Бональдом и др. Они открыто симпатизиро-

вали партиям и движениям, стоявшим на правом фланге европейской политики.

Разумеется, наличие общего не исключало существования особенного. Одни и те же философские конструкции по-разному реализовывались в различной социально-экономической и политической среде. Э.Берк выступал за конституционную монархию и был одним из наиболее выдающихся парламентских ораторов своего времени, а Н.М.Карамзин сохранял верность самодержавию и решительно отвергал идею народного представительства. Такого рода расхождения с течением времени усиливались, что свидетельствовало о вариативности консервативной идеологии.

Ее содержание эволюционировало параллельно модернизационным сдвигам, и проблема интерпретации реакции консерватора на модернизацию имеет ключевое значение для данной темы. Само появление консерватизма на свет стало ответом традиционных элит на модернизационные процессы.

Выделяются следующие ключевые признаки модернизма: изменения принимаются как норма, гражданские и политические права – как атрибут человека, рыночная экономика и частная собственность – как необходимые условия функционирования общества; в нем утверждаются светская, индивидуалистическая система ценностей, индустриальный, урбанистический образ жизни, правовое государство, происходит интеграция политической, экономической и культурной сфер на принципах верховенства закона, открытости, гласности, публичности и конкуренции³¹.

Противостояние модернизации оказалось безуспешным, и уже в конце XIX – начале XX в. консерватор был вынужден действовать в условиях, которые разительно отличались от существовавших веком раньше. Демократизация политических институтов, внедрение в общественное сознание либеральных идей, развитие массовых социальных движений, широкое распространение социалистических идей поставили под вопрос саму возможность

политического выживания консервативных партий и движений. Преобладание в европейском консерватизме XIX в. ориентации на арьергардное сопротивление сторонникам перемен не позволило ни остановить их, ни обеспечить полную интеграцию консерваторов в новую реальность. Накануне первой мировой войны по всему миру прокатилась волна глубоких социально-экономических и политических реформ, лишняя раз продемонстрировавшая, что консерваторы не в состоянии вырвать у либеральных сил политическую инициативу.

Консерватизм переживал глубокий идейно-политический кризис, вопрос о способе преодоления которого стал предметом острых разногласий в среде консерваторов³². Фактически они оказались перед дилеммой: корректировать свою идеологию сообразно действительности или, наоборот, действительность – сообразно идеологии.

В первом случае консерватору предстояло превратиться из защитника институтов и ценностей традиционного общества в защитника современного, индустриального порядка, либерально-демократических принципов, готового отстаивать интересы всех собственников, независимо от сословной, конфессиональной или классовой принадлежности. В начале XX в. консерватизм такого типа получил наибольшее распространение в Великобритании, а после второй мировой войны он возобладал во всей Западной Европе.

Во втором случае консерватор не только оставался последовательным оппонентом либеральной идеи, но и пытался свести ее проявления в политической практике к минимуму, сохранив максимум элементов традиционного уклада в общественной жизни. Сторонники такой стратегии тяготели к традиционным политическим формам (прежде всего к монархии). Они апелли-

³¹ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т.2. С.304-305.

³² Подробнее о кризисе консерватизма в Западной Европе см.: Green E.H.H. The Crisis of Conservatism. The Politics, Economics and Ideology of the British Conservative Party. London; New York, 1996. P.319-333.

ровали к традиционной элите, стремясь обратить ее в свою веру, и видели главную задачу в сохранении архаичных социальных структур.

Однако было бы упрощением видеть в поборниках такой линии совершенных ретроградов. Ее проведение предполагало овладение новейшими по тому времени политическими технологиями, в частности, широкое использование откровенно шовинистической и даже расистской риторики в целях обеспечения консерваторов массовой поддержкой. Они считали допустимым в случае необходимости прибегнуть к мерам насильственного противодействия своим оппонентам помимо легитимных властных институтов и даже вопреки их воле.

На основе парадоксального сочетания традиционных целей и нетрадиционных средств в начале XX в. сформировалась специфическая идейно-политическая конструкция, именуемая «экстремистским консерватизмом»³³. В ней содержались зародыши праворадикальных политических форм, в межвоенные годы превратившиеся в самостоятельный фактор европейской политики.

Однако в начале XX в. праворадикальная перспектива только-только намечалась. Даже наиболее радикальные представители консервативного лагеря продолжали оставаться в одном политическом поле с более умеренными консерваторами. Их объединяли общие политические цели и ценности: консерваторы-экстремисты кануна первой мировой войны оставались интегральной частью консервативных движений.

Источниковая база исследования. Для характеристики российской консервативной политической мысли главным образом использовались

³³ Подробнее об этом см.: Кертман Л.Е., Рахшмир П.Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX – XX веков. М., 1984. С.126-151; Рахшмир П.Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. №1. С.54-55; Phillips G.D. Lord Willoughby de Broke: Radicalism and Conservatism // *Edwardian Conservatism: Five Studies in Adaptation*. London, 1990. P.77 - 104. Для его обозначения используется также понятие «радикальный консерватизм». См., например: Searle G.R. *Critics of Edwardian Society: the Case the Radical Right* // *The Edwardian Age: Conflict and Stability, 1900 – 1914*. Hamden, 1979. P.79 – 96; Coetzee F., Coetzee M. *Rethinking the Radical Right in*

трактаты, брошюры, статьи, доклады крупнейших консервативных идеологов, В.А.Грингмута, А.А.Киреева, К.Н.Пасхалова, Л.А.Тихомирова, С.Ф.Шарапова, Г.А.Шечкова, А.Г.Щербатова и др.

Источники этого типа были дополнены произведениями периодической печати, материалами газет и журналов, представлявших весь спектр русского консерватизма кануна первой мировой войны, включая крайне правое «Русское знамя», близкие к думской фракции правых «Прямой путь», «Мирный труд», «Земщину», более умеренное «Новое время». Пристальное внимание было уделено изданиям, ставшим персональной трибуной влиятельных консервативных публицистов - М.О.Меньшикова («Письма к ближним»), В.П.Мещерского («Гражданин»), С.Ф.Шарапова («Свидетель»).

Еще одним элементом источниковой базы явилась делопроизводственная документация представительных учреждений и политических партий, прежде всего стенографические отчеты о заседаниях Государственной Думы и Государственного Совета, заметная роль в деятельности которых принадлежала консервативным фракциям. В работе использовались архивные и опубликованные документы консервативных политических организаций (партийные программы, протоколы и стенограммы съездов и заседаний руководящих органов консервативных объединений), позволяющие получить наиболее точное представление о тактико-стратегических установках консервативных формирований.

Особую ценность представляли источники личного происхождения, по преимуществу архивные: меморандумы, дневники, переписка видных консервативных политиков и идеологов. Их значение определяется тем, что они не предназначались для посторонних глаз и наиболее точно отражали истинные взгляды авторов. Большая часть источников этого рода была позаимствована из личных архивных фондов: Б.В.Никольского в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном истори-

ческом архиве (РГИА), Шереметевых в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и РГИА, М.М.Андроникова в РГИА, Л.А.Тихомирова в ГАРФ, Ю.Ф. и Д.Ф.Самариных, Киреевых и Новиковых в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), А.С.Суворина в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). К тому же типу источников относятся и использованные в работе мемуары политических и государственных деятелей – С.Ю.Витте, В.И.Гурко, В.Н.Коковцова, С.Е.Крыжановского, А.Н.Наумова и других, содержащие ценный материал для характеристики российского консерватизма изучаемого периода.

Как специфический вариант источников личного происхождения могут рассматриваться и материалы из фонда Департамента полиции Министерства внутренних дел (ГАРФ) – перлюстрированная личная корреспонденция, дающая важную информацию об отношении консерваторов к российской действительности кануна первой мировой войны.

Особую категорию источников, позволяющую взглянуть на российских консерваторов «со стороны», составили донесения британских дипломатов, хранящиеся в архивных фондах британского МИДа, и публикации в британской печати о положении в России. Накануне войны в России работали видные дипломаты и журналисты (А.Николсон, Х.О'Бьерн, М.Бэрринг, Э.Диллон, Д.Маккензи Уоллес, Б.Пэйрс), которые имели контакты с российскими консерваторами и вольно или невольно соотносили с ними консерваторов британских. Поэтому дипломатическая документация и британская пресса могут дать интересный материал для идейно-политической идентификации российского консерватизма.

Замысел исследования по определению предполагал использование произведений классиков российской консервативной мысли, от Н.М.Карамзина до И.А.Ильина. Их привлечение позволило ввести консервативную идеологию изучаемого периода в контекст эволюции российского консерватизма.

Наконец, для выявления общего и особенного в российском консерватизме использовались источники по истории западноевропейского (прежде всего британского) консерватизма конца XVIII – начала XX в. Указанная группа источников включает тексты, принадлежащие перу консервативных политиков и идеологов от Э.Берка и Ж.де Местра до Х.Сесила и Ф.Э.Смита, британскую консервативную периодику начала XX в. (в том числе газеты «Дейли телеграф» и «Морнинг пост» и журналы «Фортнайтли ревью», «Нэшнл ревью», «Квотерли ревью»), материалы парламентских дебатов и воспоминания видных британских консерваторов (У.Лонга, О.Чемберлена, Л.Эмери).

Научная новизна исследования определяется в первую очередь тем, что история российского консерватизма рассматривается в контексте истории консерватизма европейского, как российский компонент интернационального идейно-политического течения. В диссертации сопоставляются конкретно-исторические формы консерватизма в Западной Европе (прежде всего в Великобритании) и российские разновидности консерватизма, существовавшие в XIX - начале XX в.

В работе прослеживается непосредственная связь общетеоретических представлений консерваторов с их конкретными политическими программами. В диссертации определены главные характеристики представлений консерваторов об оптимальных формах организации российского общества. В качестве основы политической системы выступала самодержавная власть, представительным учреждениям отводилась заведомо подчиненная, служебная роль, сословия служили основным элементом социальной структуры, этноконфессиональному большинству обеспечивалось привилегированное положение.

Выяснено, что негативное отношение к ослаблению власти самодержавца, разрушению сословных институтов, росту притязаний национальных меньшинств обусловило неприятие консерваторами модернизационных сдвигов и отрицательное отношение к статус-кво. Такого рода умонастроения объеди-

нили консерваторов разного толка, от крайне правых до наиболее умеренных. Они способствовали преобладанию в политической стратегии российского консерватизма тенденций не к приспособлению консервативной идеологии к действительности, а к корректировке последней в соответствии с консервативной догмой, что во многом было предопределено предшествующей историей российского консерватизма. В работе делается вывод о том, что именно неспособность российского консерватизма адаптироваться к новым политическим, социальным, экономическим условиям стала главным препятствием на пути преодоления кризиса консерватизма рубежа XIX –XX вв. и главной предпосылкой политического поражения консерваторов в 1917 г.

Научная и практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по истории европейского консерватизма, общих и специальных курсов по истории российской общественной мысли.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования описаны в монографии «Российский консерватизм и реформа, 1907 – 1914», выпущенной в 2001 г. издательством Пермского государственного университета, и ряде других работ, увидевших свет в 1990 - 2003 гг. Всего по теме диссертации опубликовано 17 книг и статей. Их общий объем составляет около 30 печатных листов.

Основные положения диссертации были изложены в докладах и сообщениях на международных научных конференциях по проблемам консерватизма, проводившихся в Пермском государственном университете в 1993, 1994, 1995, 1996, 1997, 2000 гг., международном научном коллоквиуме «Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов» (Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2001 г.), международных научных конференциях «Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт» (Самара, 2002 г.) и «Политическая мысль и культура» (Пермский государственный университет, 2002 г.), конференции Российского общества интеллектуальной истории «Межкультурный диалог в историческом контексте» (Институт все-

общей истории РАН, 2003 г.), в выступлениях в Университете Южного Иллинойса (Карбондейл, США, 1999 г.) и Европейском университете в Санкт-Петербурге (2002 г.). Диссертация получила положительную оценку на заседании кафедры новейшей истории России Пермского государственного университета.

Структура и основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения, а также библиографического списка.

Во **Введении** обоснована актуальность темы, дан историографический обзор, определены объект, предмет и хронологические рамки исследования, его цели и задачи, охарактеризованы используемые в работе источники.

В *главе первой* – **«Проблема реформы в политической философии российского консерватизма накануне первой мировой войны»** - анализируются философские основания консервативной политической идеологии.

Формулируя свои общемировоззренческие установки, консерваторы отводили ведущую роль в жизни социума принципу континуитета, преемственности. Основным инструментом ее сохранения выступала традиция, понимаемая как фактор, определяющий специфические характеристики данного общества, государства на всех этапах его существования. Консерваторы указывали на опасность заимствования из инациональных политических традиций, настаивали на том, что только ориентация на собственный политический опыт позволяет избежать неадекватных решений.

Еще одним философским постулатом российского консерватизма выступал тезис о несовершенстве человека, его неспособности осмыслить реальность и, тем более, переустроить ее на иных началах. В этих условиях един-

ственным источником истины оказывались религиозные установления. Консерваторы исходили из приоритета коллективного относительно индивидуального, общественного относительно личного, обязанности относительно права. Социальное неравенство воспринималось как норма, в связи с чем постоянно подчеркивалась несостоятельность демократических принципов.

На фоне отсутствия принципиальных расхождений в трактовке человеческой природы, взаимоотношений общества и индивида и т.п. в консервативной среде сосуществовали взаимоисключающие оценки реформы как целенаправленного изменения социальных условий.

Некоторыми консерваторами революция и реформа воспринимались в качестве синонимов. Сохранение общественных институтов и норм в неизменном виде являлась для них главной предпосылкой социальной стабильности.

В консервативной среде присутствовал и иной подход к реформе. В соответствии с ним реформа рассматривалась как способ предотвращения революционных потрясений. Сторонники этой точки зрения настаивали на необходимости время от времени корректировать существующие институты. Реформы должны были проводиться постепенно и способствовать медленному преобразованию действительности.

Впрочем, несмотря на существование двух описанных подходов, четкая дифференциация консерваторов на противников и сторонников реформ отсутствовала. Оппоненты реформаторского курса утверждали, что не являются принципиальными врагами перемен. А те, кто поддерживал линию на модернизацию социально-экономических и политических отношений, часто высказывались в пользу жестких методов борьбы с оппозицией.

Глава вторая – «Консерваторы и политические реформы» - состоит из четырех параграфов.

В *первом параграфе* рассматриваются консервативные интерпретации власти монарха и отношение консерваторов к Николаю II.

Представители всех оттенков российского консерватизма придерживались мнения о том, что, несмотря на серьезные изменения в законодательстве, самодержавие сохранилось. Царь остался носителем верховной власти, которому подчинялись все иные государственные институты. В соответствии с такого рода представлениями о монаршей власти на самодержца возлагалась вся полнота ответственности за положение в стране, в том числе за то, что в российской политической действительности консерваторов не устраивало.

Приверженность монархическому принципу нередко сочеталась с негативным отношением к самому монарху и его ближайшему окружению. В результате монархическая идея обращалась в оторванную от жизни абстракцию, а Николай II становился «ненастоящим царем», недостойным поддержки и защиты.

Второй параграф посвящен отношению консерваторов к принципам формирования и функционирования правительства в 1907 – 1914 гг.

Хотя некоторые консерваторы проявляли подчеркнутую лояльность к исполнительной власти, в консервативной части идейно-политического спектра преобладало критическое отношение к Совету Министров и его председателям П.А.Столыпину и В.Н.Коковцову.

Рассматриваемый период характеризовался постепенным ослаблением проправительственных и усилением антиправительственных настроений среди консерваторов. Если до 1911 г. эти настроения преобладали в думской и внедумской правой, то после смерти Столыпина националисты, ранее неизменно поддерживавшие правительственные инициативы, стали демонстрировать свое недовольство исполнительной властью. К началу войны отношение консерваторов к правительству варьировалось от условной поддержки до открытой оппозиции.

В *третьем параграфе* анализируются консервативные трактовки функций представительных учреждений и оценки консерваторами их практической деятельности.

И то, и другое служило предметом острых споров. Правому флангу консервативного лагеря было свойственно резко негативное отношение к представительным органам. Идеологи Всероссийского Дубровинского союза русского народа исходили из того, что Государственная Дума являлась всего лишь законосовещательным учреждением, которое своей практической деятельностью подрывало существующую систему власти. В то же время теоретики Всероссийского национального союза подчеркивали законодательный характер Думы и весьма высоко оценивали ее деятельность в 1907-1912 гг.

Однако даже наиболее решительные сторонники законодательного представительства в России постоянно указывали на недостатки отечественной парламентской культуры и парламентских институтов. Критические настроения заметно усилились к концу исследуемого периода, что свидетельствовало о росте недовольства консерваторов действовавшим народным представительством.

Четвертый параграф посвящен политическим идеалам российских консерваторов кануна первой мировой войны.

Консерваторы не просто указывали на изъяны в структуре и практической деятельности органов власти, но и предлагали альтернативные политические проекты. Их обилие свидетельствовало о широком распространении недовольства сложившейся политической ситуацией.

В основе этих проектов лежал традиционный для российского консерватизма постулат – источником и главным инструментом реализации верховной власти выступает сам монарх. Поэтому различие моделей политической организации выражалось преимущественно в разной трактовке вопроса о народном представительстве.

Самым последовательным его противником среди российских консерваторов был В.А.Грингмут: он отвергал представительство любого рода и вида. Несколько более умеренных взглядов придерживались В.П.Мещерский и К.Н.Пасхалов, допускавшие возможность законосовещательного представительного учреждения. Среди массовых консервативных политических формирований наиболее близкие к ним позиции занимал Всероссийский Дубровинский союз русского народа. Несколько иначе смотрели на дело консерваторы-славянофилы (прежде всего С.Ф.Шарапов). Существование законосовещательного учреждения казалось им благом, ибо позволяло народу высказывать свои чаяния главе государства и обеспечивало постоянную связь между ними.

Некоторые элементы славянофильского образа идеальной власти можно было обнаружить и у идеологов думских правых. Правда, в отличие от Шарапова они подчеркивали не различие, а сходство между Земским собором и российскими представительными органами начала XX в. Думские правые сумели овладеть новыми политическими технологиями и получили возможность с их помощью успешно воздействовать на правительственный курс. Даже скандальное поведение их лидеров – Н.Е.Маркова и В.М.Пуришкевича – говорило скорее о стремлении использовать представительное учреждение специфическим образом, чем о желании обойтись без него.

При этом среди данной группы политиков и идеологов получила широкое распространение идея ужесточения избирательного законодательства и сужения функций Думы. Влиятельные консервативные теоретики и публицисты Л.А.Тихомиров и П.Е.Казанский высказывались в пользу изменения статей 86 и 87 Основных законов, снятия всех ограничений на принятие монархом законодательных решений помимо представительных учреждений. О полезности изменения избирательного закона и законодательства о Думе писал и ведущий идеолог националистов М.О.Меньшиков.

В хоре консерваторов, недовольных новой конфигурацией власти, тонули голоса консерваторов, которых она полностью устраивала. При любой

трактовке вопроса о представительных органах монархия имела приоритет по отношению к иным властным институтам. Если консерваторы и признавали представительные органы необходимым элементом российской государственности, то считали их роль куда менее важной, чем царя. Овладение консерваторами новыми инструментами политического действия (массовые организации, митинги, парламентская работа и т.п.) шло быстрее, чем усвоение новых идеологических принципов. Сознавая необходимость организации общественной поддержки консервативных политических инициатив, их сторонники были склонны придавать решающее значение действиям императора.

В глазах российских консерваторов именно монарх оставался основным объектом лояльности, главным символом консервативного политического кредо. Идеи неотъемлемых политических прав и свобод, представительного правления как способа выражения воли народа оставались чуждыми российскому консерватизму кануна первой мировой войны.

Глава третья – «Консерваторы и национальные проблемы» - состоит из пяти параграфов.

В *первом параграфе* анализируются представления о состоянии международных отношений и оптимальной стратегии в этой сфере, свойственные большинству консерваторов.

Выдвигая лозунг «Россия – для русских!», большая часть консерваторов рассматривала российскую историю XIX – начала XX в. как период ослабления русского господства в империи, вызванного тем, что включенные в ее состав народы сумели обратить русское завоевание себе во благо. Тема угнетения русских инородцами, «инородческого засилья» превратилась накануне первой мировой войны в важнейший компонент российского консервативного дискурса. Утверждалось, что, пользуясь своим исключительным положением в экономике, национальные меньшинства пытаются подорвать устои русской государственности.

Политические партии левее центра объявлялись главным политическим инструментом национальных меньшинств. Важнейшими элементами социальной базы антирусских сил представлялись интеллигенция и бюрократия, которых обвиняли в космополитизме и пренебрежении интересами русского населения и православной церкви. Иногда эти упреки распространялись на всю правящую элиту, допустившую положение, при котором этническое и конфессиональное большинство оказалось в подчиненном положении.

Приверженцы формулы «Россия – для русских!» рассматривали социально-экономические и политические конфликты как проявление межнациональной борьбы. Главными оппонентами русских выступали поляки, финны и евреи, т. е. народы, которые казались наиболее адаптированными к реалиям модернизации. Предоставление привилегий русским должно было до известной степени уравновесить указанное преимущество.

Особенно опасными казались евреи. Основу их могущества усматривали в колоссальных финансовых ресурсах, которые контролировали еврейские банкиры. Утверждалось, что евреи доминировали в прессе, интеллигентных профессиях и стремились дополнить контроль над кошельками контролем над душами.

Подобного рода рассуждения были проявлением широко распространенной в консервативной среде концепции жидомасонского заговора. Однако антисемитская литература, выдержанная в этом духе, была слишком сложна, чтобы стать эффективным инструментом пропаганды. Очевидно, более привлекательной в этом плане казался кровавый навет, актуализированный делом Бейлиса. В ходе сопровождавшей его антисемитской кампании вопрос о виновности самого М.Бейлиса отошел на второй план перед вопросом о ритуальном характере убийства и коллективной вине евреев.

Некоторые консерваторы связывали опасность, исходившую от евреев, не только с особенностями их религиозного культа, но и с биологическими, расовыми характеристиками евреев. И, хотя перед началом первой мировой войны расовое обоснование антисемитизма не вытеснило более традицион-

ного, опиравшегося на идею несовместимости иудаизма и христианства, расистские тенденции оказали заметное влияние на консервативные трактовки национальных отношений.

Во *втором параграфе* определены особенности подхода к национальной проблематике политиков и идеологов правой, включая сторонников А.И.Дубровина и фракцию правых в Государственной Думе.

Несмотря на серьезные расхождения в вопросе о представительстве, думские правые и дубровинцы выражали сходные взгляды на межнациональные и межконфессиональные отношения в империи. И те и другие исходили из тождества русского национального, государственного и религиозного начала. По их мнению, аутентичным русским мог считаться лишь человек православного вероисповедания с монархическими убеждениями.

Таким образом, правые ориентировались на национальную консолидацию на основе восприятия всеми слоями русского населения правых политических воззрений. Путь решения межнациональных проблем виделся в последовательной унификации властных отношений, всемерном ограничении самоуправления, ликвидации особого статуса отдельных частей империи, неукоснительном подчинении интересов инонациональных групп и территорий интересам русского народа.

Третий параграф содержит анализ модели национальных отношений, предложенной более умеренными консерваторами, националистами и «национал-демократами».

В отличие от правых, подчеркивавших важность первого и второго членов триады «Православие. Самодержавие. Народность», они указывали на особую роль третьего. Религиозные и политические убеждения не считались ведущими факторами национальной идентификации. Общности происхождения, истории и культуры они придавали куда большее значение, чем общности православной веры и монархических убеждений. В принадлежности к

русским не отказывалось ни противникам самодержавия – кадетам, ни иноверцам – католикам. Тем самым предлагалась стратегия национальной интеграции, построенная на признании этнической общности в качестве главного аргумента в пользу необходимости и возможности достижения гармонии между социальными низами и верхами. Особенно активно за умиротворения социальных аутсайдеров с помощью апелляции к национальному чувству высказывались «национал-демократы», призывавшие расширить доступ к управлению демократических слоев господствующей нации.

Оборотной стороной этой стратегии являлось более решительное, чем у правых, требование институциональных ограничений политических прав инородцев на государственном уровне. Одновременно националисты и «национал-демократы» критиковали излишнюю централизацию, подчеркивали важность местного самоуправления и местной экономической инициативы. Националистический дискурс рассматриваемого периода носил печать либеральной, демократической риторики. Самое широкое распространение в умеренно-консервативной публицистике получила идея синтеза либеральной и национальной идей. Ее реализацией предстояло заняться Имперской народной партии, попытка создания которой была предпринята весной 1914 г. Впрочем, этот опыт оказался неудачным, и «национал-демократы» так и остались маргинальной политической группировкой.

В итоге националисты и «национал-демократы» ограничились признанием желательности предоставления демократических прав и свобод (в пределах, определенных Основными законами) русскому населению империи. Иногородцы должны были получить права и свободы в гораздо меньшем объеме. Подобно правым отвергая национальное равноправие, националисты и «национал-демократы», в отличие от них, делали ставку не на русификацию, а на национальную сегрегацию с гарантиями политического преобладания русских.

В *четвертом параграфе* излагается концепция решения национального вопроса, принадлежащая С.Ф.Шарапову.

Следуя типичным для консерваторов стереотипам в трактовке национальной проблематики, Шарапов тем не менее резко критиковал жесткую русификаторскую политику, проводимую на польских и финских территориях. Такая политика, по его убеждению, только разжигала неприязнь местного населения к русскому народу и русской государственности.

Шарапов предлагал сделать ставку не на подавление национальных устремлений жителей северной и западной окраин империи, а на их экономическую заинтересованность в российском рынке. Он выступал за развитие областного территориального самоуправления. В рамках предложенной им системы территориальной автономии Польша и Финляндия должны были получить статус особых самоуправляющихся областей, а поляки и финны – статус хозяев своих национальных территорий.

Пятый параграф посвящен консервативным политикам и идеологам - противникам шовинистических крайностей, которые в противовес шовинистической формуле «Россия – для русских!» предлагали лозунг «Россия – для русских подданных!».

Они не ограничились протестом против русификаторской тенденции и стремления к унификации управления в Польше и Финляндии, а открыто выступали за приоритет общеимперского начала в национальной политике. Этот подход отстаивала весьма разнородная группа политиков и публицистов, включавшая как ярых оппонентов реформаторского курса, вроде В.П.Мещерского, так и сторонников консервативной реформы, вроде М.М.Перовского-Петрово-Соловово.

Представители данной группы (наряду с Мещерским и Перовским-Петрово-Соловово своей активностью среди консервативных противников шовинистического курса выделялись И.И.Кольшко, Д.А.Олсуфьев, А.А.Кон) подчеркивали, что власть должна заботиться о благе не только русского наро-

да, но и всех других народов империи. Ущемление же интересов инородцев было чревато усилением национальной розни и ослаблением государства.

Вместе с тем противники шовинистических крайностей ни в коей мере не позиционировали себя как поборников национального равноправия. В их глазах русские были «первенствующей» народностью империи, а Российская Империя была Империей Русской.

Глава четвертая – «Социально-экономические проблемы глазами российских консерваторов» - состоит из двух параграфов.

Первый параграф посвящен консервативным оценкам социально-экономической ситуации и деятельности правительства в этой сфере.

Консерваторы признавали серьезные экономические успехи и подчеркивали заслуги правительства в их достижении. Тем не менее консервативные авторы понимали относительность экономических успехов и указывали на разрыв в уровне развития России и западных держав. Они высказывали серьезные претензии правительству касательно проводившейся им экономической политики.

Эти претензии, главным образом, были связаны с курсом на форсированное развитие промышленности. Перекачку ресурсов из деревни в город, консерваторы считали неадекватной потребностям страны, население которой в основном было занято в сельском хозяйстве. Промышленный рост воспринимался как наиболее зримое проявление поощряемого правительством развития капиталистических начал в экономике.

Термины «капитал», «капитализм», «буржуазия» имели в консервативных текстах преимущественно негативные коннотации. С капитализмом ассоциировались обнищание основной массы населения, моральная деградация общества. Суждения подобного рода встречались как у крайне правых – дубровинцев, так и у «национал-демократов», занимавших левый фланг российского консерватизма.

Консервативные публицисты указывали на связь между капитализмом и либеральными политическими преобразованиями. Лейтмотивом рассуждений на эту тему был тезис о том, что под прикрытием либеральных идей к власти рвется буржуазия. Позитивные оценки капитализма встречались в консервативной публицистике гораздо реже и обычно были связаны с критикой социалистических идей, которые отвергались как прямая противоположность консерватизму.

Консерваторы обвиняли правительство в двух взаимоисключающих вещах: в потворстве предпринимателям – капиталистам и наемным работникам – социалистам одновременно. С критикой «пробуржуазных» и «просоциалистических» тенденций в российской политике равным образом выступали поддеоживавшие различные варианты консервативной доктрины С.Ф.Шарапов, Л.А.Тихомиров, М.О.Меньшиков. Их объединял протест против разрушения традиционных социально-экономических устоев вследствие форсированного промышленного роста.

Главной жертвой неверного экономического курса консерваторы считали помещиков. Они обвиняли правительство в том, что, разрушив сельское хозяйство ради быстрого роста промышленности, оно стало поощрять развитие крестьянского хозяйства за счет помещичьего. Консерваторы раскололись на сторонников и противников аграрной эволюции на основе разрушения общины. Принципиальные оппоненты правительственного курса полагали, что ликвидация общины подорвет социальную стабильность в деревне и сделает мелкое крестьянское хозяйство объектом манипуляций банков, спекулянтов недвижимостью, кулаков. Но и консерваторы, разделявшие идею создания многочисленного класса крестьян-собственников, были далеки от безоговорочной поддержки столыпинского курса. Они считали, что этот курс должен был реализовываться постепенно и предлагали сделать ставку на освоение новых территорий. Торопливое проведение аграрной реформы могло нанести существенный ущерб социальным позициям помещиков и превратить крестьянина в наиболее влиятельную фигуру в деревне.

Широкое распространение в консервативной среде получило недовольство рестриктивной финансовой политикой. В.Н.Коковцова упрекали в том, что, придавая гипертрофированное значение финансовой стабильности, он лишал экономику (прежде всего сельское хозяйство) необходимых денежных ресурсов.

Во *втором параграфе* анализируются консервативные проекты решения социально-экономических проблем.

Эти проекты строились на положении о ведущей роли сельского хозяйства в российской экономике. Приверженцы общины (С.Ф.Шарапов, А.Г.Щербатов, И.А.Гофштеттер, К.Н.Пасхалов и др.) предлагали опереться на коллективную, общинную собственность, а их оппоненты (Н.Е.Марков, Н.Д.Облеухов, М.О.Меньшиков, Н.Н.Ладомирский и др.) делали ставку на превращение наделных крестьянских земель в частную собственность.

Сторонники обоих подходов выступали за сосуществование мелкого крестьянского и крупного помещичьего землевладения. Большинство консерваторов интерпретировали социальные отношения как межсословные. Сословную организацию предполагалось сохранить, распространив ее на городских рабочих. Исходя из такого взгляда на социальную структуру российского общества, роль его социального лидера, естественно, отводилась дворянству.

Помещичьему хозяйству предстояло стать своего рода локомотивом в деле подъема всего сельского хозяйства. Эта идея была положена в основу программ, разработанных видными деятелями Объединенного дворянства В.И.Гурко и Н.А.Павловым. Их авторы считали себя выразителями интересов не только дворян, но и землевладельцев в целом.

Противопоставляя промышленность сельскому хозяйству, разводя интересы сельских и городских собственников, консерваторы заведомо меньше внимания уделяли специфическим проблемам промышленности. Они не оспаривали полезности ее развития, однако не одобряли ни политики прави-

тельства в этой области, ни реальных форм организации промышленных предприятий. Консерваторы предлагали изменить экономическую политику таким образом, чтобы создать более благоприятные условия для мелких и средних предприятий, ввести меры государственного контроля над монополистическими объединениями, заменить частные монополии государственными.

Что касается вмешательства государства в отношения между нанимателями и нанимаемыми, то среди консерваторов сложилось два противоположных подхода к этому вопросу. Одни полагали, что государство обязано вмешиваться в трудовые отношения, а улучшение жизненных условий наемных работников с помощью государства мыслили как главный фактор противодействия влиянию социалистов. Другие проявляли настороженное отношение к широкомасштабным социальным мероприятиям и поддерживали идею невмешательства государства в социально-экономические процессы. Улучшение положения рабочего класса рассматривалось как функция экономического роста: увеличения заработной платы можно было добиться лишь благодаря повышению производительности труда, а не на основе законодательных мер.

Взгляды консерваторов на социально-экономические проблемы оказались подверженными влиянию либеральных установок в большей мере, чем их политические воззрения. Широкое распространение среди консерваторов получили идеи неприкосновенности частной собственности, экономической свободы, невмешательства государства в социально-экономический процесс. Однако в целом в консервативном подходе к социально-экономической проблематике явно преобладали традиционные мотивы: развитие сельского хозяйства рассматривалось как главная экономическая задача, мелкому производству отдавалось предпочтение перед крупным, сословия принимались за важнейший элемент социальной организации.

Глава пятая – «Кризис консерватизма в России» - состоит из двух параграфов.

В *первом параграфе* анализируется отношение консерваторов к российской действительности 1907 – 1914 гг.

Разгон II Государственной Думы и принятие нового избирательного закона были поддержаны консерваторами, хотя многим из них действия власти показались недостаточно решительными. В дальнейшем недовольство положением в стране неуклонно усиливалось. Это недовольство распространялось справа налево, от наиболее непримиримых представителей консерватизма к наиболее умеренным, и достигло пика накануне войны.

В публичных выступлениях, а также в дневниках и частных письмах консерваторы крайне резко оценивали российские реалии предвоенного времени. Л.А.Тихомиров именовал Основные законы 1906 г. «канцелярским созданием» и уверял, что их никто не считал «своими». Н.А.Павлову казалось, что пролетариат постепенно завоевывает власть. На ухудшение ситуации и неправильные действия власти указывали националисты и «национал-демократы».

Отрицательная оценка настоящего служила основанием для мрачных пророчеств. Особое место среди них принадлежало знаменитой «Записке Дурново», предложившей поразительно точный прогноз развития событий в случае вступления России в войну против Германии.

Консерваторы имели веские материальные основания для негативных эмоций. Судя по социокультурным характеристикам членов III и IV Государственной Думы, к консерваторам тяготели русские, православные, аграрии (помещики и крестьяне), священники, люди с довольно низким уровнем образования и доходов. Таким образом, важнейшим фактором консервативного политического выбора выступало сочетание принадлежности к доминирующей этноконфессиональной группе с экономическими интересами, связанными со стагнирующим сельским хозяйством, низким уровнем образования и

доходов. Естественно, шансы на успех людей с такими социальными характеристиками в быстро модернизированной России были невелики.

Еще одним основанием для недовольства предвоенным статус-кво было его несоответствие ценностным ориентациям российского консерватора, формуле «Православие. Самодержавие. Народность». Консервативный образ оптимальной социальной организации противоречил реальности, которая все дальше отходила от уваровского эталона. Неудивительно, что российский консерватор не стремился защищать существовавший в стране порядок.

Во *втором параграфе* дается сравнительная характеристика отношения к статус-кво консерваторов России и Западной Европы накануне первой мировой войны.

Негативное отношение к действительности было характерно для значительной части западноевропейских консерваторов. Оно получило широкое распространение среди германских крайне правых, прежде всего сторонников Пангерманского союза, которые упрекали императора в недостаточно активной защите консервативных интересов в стране и на международной арене. Аналогичная ситуация сложилась во Франции: ее политическая система стала объектом резкой критики со стороны «Аксьон франсэз», особенно Ш.Морраса.

Те же тенденции обнаружились в политике и идеологии британских консерваторов. Лишившись после реформы палаты лордов в 1911 г. возможности легальным путем остановить иницилируемые либералами реформы, они продемонстрировали готовность к действиям, далеко выходящим за рамки британской политической традиции. Их радикальные настроения фокусировались на противодействии биллю о предоставлении самоуправления Ирландии. Угрожая своим оппонентам силой, они поддерживали Добровольческие силы Ольстера, созданные для прямого, в том числе вооруженного, сопротивления ирландской автономии. Политические маневры в связи с ирланд-

ским вопросом существенно обостряли обстановку в стране и могли привести к серьезным беспорядкам и кровопролитию.

Несмотря на очевидный радикализм практических предложений, ценностные установки правого фланга западноевропейского консерватизма в рассматриваемый период оставались вполне традиционными. Сочетание традиционных консервативных ценностей с выходящими за традиционные рамки методами может считаться главной характеристикой экстремистского консерватизма – особой разновидности консервативной политики и идеологии, возникшей накануне первой мировой войны. Ее представители, защищая традиционные социально-политические устои, пытались заручиться поддержкой масс. Они допускали возможность широкомасштабного политического насилия, направленного не только против политических оппонентов, но и против легитимных государственных институтов.

Экстремистский консерватизм и на западе Европы, и в России имел один и тот же источник – острый конфликт между консервативными ценностями и статус-кво и являлся важнейшим проявлением кризиса консерватизма. Однако степень влияния экстремистско-консервативных тенденций в Западной Европе и России была различной. На Западе они были характерны лишь для крайне правой части консерваторов, тогда как в России – для всего консервативного лагеря. Неудивительно, что наиболее решительным противникам самоуправления Ирландии симпатизировали и крайне правые дубровинцы, и гораздо более умеренные националисты.

К тому же в Западной Европе дестабилизирующим экстремистско-консервативным тенденциям противостояли диаметрально противоположные, стабилизирующие – тенденции к сближению консерваторов и либералов. Это сближение происходило на основе принятия консерваторами нового статус-кво, возникшего под влиянием либеральных политических и социально-экономических преобразований.

В отличие от Запада, в России потенциальным основанием для сближения консерваторов и либералов служило как раз неприятие статус-кво. Впо-

следствии это нашло выражение в присоединении части консерваторов к Прогрессивному блоку. Стремление к согласию консерваторов и либералов превратилось в дополнительный фактор дестабилизации политической ситуации.

В Заключении приведены основные выводы, сделанные в ходе исследования.

Накануне первой мировой войны российский консерватизм переживал острый кризис, вызванный расхождением между консервативными представлениями об оптимальной социальной организации и реалиями быстро модернизовавшегося российского общества. Несоответствие консервативных идеалов российской действительности, в которой все более увеличивался удельный вес элементов модернизма, порождало негативное отношение к существовавшему общественному порядку и нежелание защищать его.

Из этого, однако, не вытекает, что консерваторы отвергали любые новации. В рассматриваемый период идейно-политический арсенал российского консерватизма обогатился новыми идеями и политическими инструментами. Широкое распространение среди консерваторов получил тезис о неприкосновенности частной собственности независимо от ее размеров или социального статуса собственника. Влиятельные консервативные политики и идеологи признали необходимость существования представительных институтов и демократических процедур. Консерваторы сумели овладеть новыми формами политического действия, они активно работали в представительных учреждениях, создавали массовые политические организации, широко использовали для пропаганды своих идей массовую периодическую печать.

Наиболее заметное влияние новые веяния оказали на умеренных консерваторов. Однако новые идейно-политические установки не вытеснили старых, а лишь модифицировали их. Даже в сфере политических технологий (а обновление политического инструментария консерваторов шло гораздо быстрее, чем эволюция консервативной идеологии) старые стереотипы оказы-

вали мощное воздействие на выбор политических средств. Об этом свидетельствует широкое использование консерваторами православных ритуалов и символов (молебны, иконы, хоругви и т.п.).

Сдвиги в идейно-политических установках разных консервативных группировок часто становились поводом для разногласий между ними. Дубровинцы считали заявления думских правых и националистов о лояльном отношении к представительным учреждениям доказательством неполноценности их монархизма. Призывавшего к развитию самоуправления С.Ф.Шарапова упрекали в стремлении расколоть империю в угоду финнам и полякам. И именно традиционные компоненты российской консервативной идеологии выступали как объединяющее начало для всех разновидностей консерватизма.

Невосприимчивость консерваторов к новым веяниям была вызвана особенностями генезиса и эволюции отечественного консерватизма.

Во-первых, российский консерватизм всегда оставался жестко связанным с самодержавием – архаичным политическим институтом, ориентация на сохранение которого плохо сочеталась с поддержкой политической модернизации. Формула Карамзина «Самодержавие есть Палладиум России...» оставалась концентрированным выражением политических пристрастий российского консерватора и в начале XX века.

Во-вторых, российскому консерватизму мешал «встроиться» в модернизацию его антиреформаторский потенциал. Негативное отношение консерваторов к реформе во многом было связано с ее специфическим пониманием в рамках русской культурной традиции. Как отмечали Ю.М.Лотман и Б.М.Успенский, «реформа в России всегда ассоциировалась с началом и никогда с продолжением определенного политического курса» в отличие от

Западной Европы, где она «подразумевала сохранение основных контуров сложившейся жизни»³⁴.

Неприязнь к реформам объяснялась также низкой степенью вовлеченности консервативной общественности в процесс принятия политических решений. Монополия самодержавия на политическую деятельность превращала политику в сферу влияния бюрократии, значительно ограничивая возможности проявления политической инициативы даже для сторонников существующей системы власти. Поэтому их усилия сосредотачивались не столько на выработке собственных вариантов разрешения конкретных проблем, сколько на обсуждении абстрактных теоретических схем.

Российская консервативная мысль была оторвана от политической реальности. Обилие утопических проектов стало характерной чертой отечественного консерватизма. Российский консерватор предпочитал не приспособливаться и постепенно реформировать существующее, а разрабатывать и претворять в жизнь собственные «истинно консервативные» проекты, противостоявшие реальности. Естественно, что в таких условиях бескомпромиссность становилась добродетелью, а склонность к приспособлению к меняющейся среде – пороком.

Не сыграв заметной роли в эволюции российского консерватизма в XIX – начале XX в., поборники реформ не добились существенного влияния и в 1907 – 1914 гг. «Независимые консерваторы» так и не смогли стать полноценной политической партией. Националисты и «национал-демократы» вообще плохо подходили на эту роль, ибо умеренность в ряде социально-экономических и политических вопросов сочеталась у них с агрессивностью в вопросе национальном. К тому же численность националистов на фоне численности других консервативных организаций была слишком незначительна.

³⁴ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней или судьбина русского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1975. Вып.358. С.170.

В-третьих, адаптации консерваторов к модернизации препятствовала ограниченность их социальных ориентаций. Практически вне сферы внимания консерваторов осталась городская буржуазия, экономическое влияние которой стремительно росло. Буржуазия воспринималась в качестве носителя альтернативных представлений об оптимальной социально-экономической и политической организации общества и вызывала стойкую неприязнь идеологов отечественного консерватизма.

Предприниматели отвечали консерваторам взаимностью. Из 47 избранных в 1907 г. в III Думу владельцев и руководителей торгово-промышленных предприятий только 4 присоединились к консервативным фракциям (правые, умеренно-правые, националисты), которые к началу I сессии Думы насчитывали 144 депутата. Для сравнения – в кадетскую фракцию (53 депутата) вступило 6 представителей этой социoproфессиональной категории, а в октябристскую (149 депутатов) – 31. Аналогичная ситуация сложилась и в IV Государственной Думе.

Наконец, адаптационные возможности консерваторов ограничивались и серьезными проблемами в организационной сфере. Закулисные «влияния» и интриги долго оставались единственно возможным средством достижения политических результатов. Консерваторам просто негде было приобрести опыт практического использования автономных партийно-политических структур.

К их формированию консерваторы приступили лишь в 1905 г., заведомо уступая в этом своим оппонентам слева. Неудивительно, что, несмотря на значительную численность консервативных организаций, степень прочности организационной базы отечественного консерватизма оказалась невелика. Это объяснялось не только неопытностью, но и негибкостью русских консерваторов, их неготовностью к компромиссам.

Накануне первой мировой войны российское консервативное движение пережило несколько расколов. На рубеже 1907 – 1908 гг. раскололась крупнейшая консервативная организация – Союз русского народа, часть членов

которого перешла в созданный В.М.Пуришкевичем Союз Михаила Архангела. После острого конфликта в 1911 гг. из Союза русского народа вышли сторонники А.И.Дубровина, сформировавшие Всероссийский Дубровинский союз русского народа.

Не лучше в организационном отношении выглядели и умеренные консерваторы. Из Русской национальной фракции, созданной осенью 1909 г. на основе объединения националистов и умеренно-правых, уже в 1911 г. выделась группа «независимых националистов». В IV Думе на основе этого объединения образовалась особая группа Центра, куда вошли бывшие члены фракции во главе с П.Н.Крупенским. Острые конфликты происходили во Всероссийском национальном союзе, Всероссийском национальном клубе, Киевском клубе русских националистов. Весной 1914 г. была предпринята попытка создать особую «национал-демократическую» Имперскую народную партию. Центробежные тенденции в российском консерватизме явно преобладали над центростремительными.

Указанные слабости особенно очевидны при сопоставлении российских консерваторов с британскими. В отличие от российских коллег им удалось преодолеть кризис консерватизма и успешно приспособиться к условиям модернизации. Если прошлое российского консерватизма препятствовало такой адаптации, то исторический опыт британского консерватизма к этому как раз располагал.

Уже в генетической фазе британская консервативная идеология имела сильный либеральный налет. Для «отца» британского консерватизма, Э.Берка, политическим эталоном была конституционная монархия, в рамках которой существовало разделение властей, а палаты парламента значили не меньше, чем корона. В начале XX в. идея представительного правления имела статус важнейшего компонента британского консервативного кредо. Отводя короне особую роль в политической жизни, британские консерваторы формировали свое понимание взаимодействия монарха и представительства на принципиально иной основе, чем российские. Не представительные учре-

ждения должны были помогать короне, а корона должна была помогать работе демократических институтов.

Компромисс и реформа оставались важнейшими элементами политического арсенала консерваторов даже в период острой конфронтации с политическими оппонентами. Так было во время острых дебатов вокруг избирательных законов в XIX в., сохранялась эта ситуация и накануне первой мировой войны. Свою принципиальную готовность к компромиссу демонстрировали даже те, кто жестко оппонировал правительству в ирландском вопросе. В 1910 г. активными участниками различных зондажей и переговоров с либералами выступили решительные противники билля об автономии Ирландии Ф.Э.Смит и О. Чемберлен. В ходе этих контактов возникла идея создания коалиционного правительства, и дело даже дошло до обсуждения персонального состава кабинета. Тогда план коалиции не был реализован, но он не являлся утопическим: к концу первого года войны консервативно-либеральная коалиция стала реальностью.

Реформа и на теоретическом, и на практическом уровне рассматривалась как естественный способ решения политических проблем. Критикуя либеральный кабинет, консервативная партия пыталась противопоставить ему собственные реформаторские инициативы. Впечатляющей демонстрацией реформаторского потенциала британского консерватизма стало создание в 1911 г. Юнионистского комитета по социальной реформе, который приступил к разработке конкретных предложений по разрешению социальных проблем. В деятельности комитета приняли участие более 35 членов консервативной фракции в палате общин (около пятой части ее состава). Стратегической целью разработок этого «мозгового треста» (а его участники подготовили и опубликовали несколько специальных докладов по наиболее острым социальным проблемам) было примирение социальных интересов, укрепление национального и имперского единства.

Далеко не все плоды деятельности комитета оказались востребованными консервативным руководством: большинство их обрело политическую акту-

альность только после войны. Однако попытка заранее подготовить концептуальную базу для будущих действий свидетельствовала об осознании британскими консерваторами значения реформы как важнейшего инструмента политической стратегии. Иначе говоря, если в предвоенные годы на тактическом уровне пальма первенства определенно принадлежала конфронтационным сценариям, то на стратегическом – приоритет отдавался политической гибкости, компромиссу, реформе.

Иным образом, чем в России, выглядела и социальная база британского консерватизма. Будучи исторически больше связанными с сельской, чем с городской, Англией, консерваторы в течение второй половины XIX в. сумели заручиться поддержкой городской буржуазии и представить себя защитниками интересов всех собственников, как сельских, так и городских.

Британским консерваторам удалось получить кредит доверия у предпринимателей. К началу первой мировой войны представители промышленности и торговли составляли 24 % консервативных членов палаты общин. (Для сравнения: в 1913 г. к этой категории принадлежало всего 2,7% членов консервативных фракций Государственной Думы). Удельный вес аграриев в среде британских консервативных парламентариев был практически такой же, как и предпринимателей-горожан – 23%, тогда как в России они составляли абсолютное большинство (58%). Британский консерватизм, сохранив привлекательность для землевладельцев, оказался в состоянии привлечь на свою сторону торгово-промышленные интересы. Это придало британскому консерватизму большую устойчивость, способствовало усвоению бизнесом аристократических ценностей, облегчило процесс трансформации политической элиты.

Уже со второй половины XVIII в. в Великобритании началось формирование организационной базы консерватизма. Фактически этот процесс шел параллельно складыванию консервативной идеологии. Э.Берк полагал, что только партия, под которой он понимал сплоченную группу единомышленников, действующую в представительном учреждении, могла обеспечить

нормальное функционирование политической системы. Рост радикального движения в стране и особенно Великая французская революция раскололи вигскую группировку Рокингема, к которой принадлежал Берк. Ее радикальное крыло осталось в оппозиции, тогда как консервативное – поддержало правительство Питта-младшего. С деятельностью этих групп было связано становление либеральной и консервативной партий, борьба между которыми составляла основное содержание британской политики в XIX – начале XX в.

В 1830 г. в разгар борьбы вокруг первой парламентской реформы был создан специальный комитет по руководству оппозицией – первый партийно-организационный центр британских консерваторов. Он главным образом занимался координацией действий парламентариев и обеспечением избрания надлежащих кандидатов на выборах. После второй парламентской реформы, существенно увеличившей численность электората, лидерам консерваторов пришлось поставить внепарламентскую работу на постоянную основу. В 1867 г. был создан Национальный союз консервативных ассоциаций, в 1870 г. – Центральное бюро (Central Conservative Office). На рубеже XIX – XX вв. появился целый «легион лиг» - множество политических организаций, ориентированных на консерваторов.

Канун первой мировой войны стал для консерваторов временем серьезных организационных преобразований. В 1911 г. была проведена реформа центральных учреждений партии. В 1912 г. организации консерваторов и либерал-юнионистов, ранее существовавшие параллельно, слились. Выступления некоторых экстремистски настроенных консерваторов в пользу создания альтернативной правой партии не получили сколько-нибудь значительной поддержки. Организационная консолидация стала важным фактором политического выживания консервативной партии. С одной стороны, благодаря такой консолидации усилились позиции консерваторов в рамках британской политической системы, с другой – партийная дисциплина сузила свободу маневра для экстремистски настроенных консерваторов и способствовала большей умеренности британского консерватизма в целом.

Российские консерваторы в отличие от британских не приняли реалии российской модернизации, не сумели в достаточной мере усвоить новые ценности и правила политической игры. Неспособность к адаптации не позволила преодолеть кризис консерватизма и обернулась политической катастрофой.

Список публикаций автора, отражающих основное содержание диссертации

1. Российский консерватизм и реформа, 1907-1914. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 211 с. (14,3 п.л.).
2. Российский консерватизм в британском контексте: идентификация и самоидентификации российских консерваторов в 1907 – 1914 гг. // Межкультурный диалог в историческом контексте / Отв. ред. Л.П.Репина; Институт всеобщей истории РАН. М., 2003. С.211 – 213 (0,2 п.л.).
3. Консервативная научная интеллигенция и власть, 1907 – 1914 // Власть и наука, ученые и власть, 1880-е – начало 1920-х годов: Матер. междунар. науч. коллоквиума / Под ред. Н.Н.Смирнова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С.343-357; 428-430 (1,5 п.л.).
4. Самодержавие и самодержец глазами российских консерваторов // Политическая мысль и культура: Матер. междунар. науч.-практ. конференции / Под ред. П.Ю.Рахшмира; Перм. ун-т. Пермь, 2003. С.90 – 95 (0,4 п.л.).
5. Conservatives and «Renewed Russia», 1907-1914 // Slavic Review. 2002. Vol.61. №4. P.762 - 786 (2,2 п.л.).
6. Консерватизм и статус-кво накануне первой мировой войны: российские реалии в европейском контексте // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Матер. междунар. науч. конференции / Под ред. В.Дубиной, М.М.Леонова, Л.Банцхафа; Самар. науч. центр РАН. Самара, 2002. С.90-102 (0,7 п.л.).

7. «Россия – для русских подданных!»: консервативная оппозиция русскому шовинизму накануне первой мировой войны // Вестн. Перм. ун-та. Пермь, 2001. Вып.1. С.142-151 (0,6 п.л.).

8. Российский консерватизм и реформа, 1907-1914 // Учен. зап. гуманит. факультета Перм. гос. техн. ун-та. 2000. Вып.1. С.177-187 (0,7 п.л.)

9. Политическая философия российского консерватизма и проблема реформы, 1907-1914 // Фундаментальные ценности российской культуры и образования на рубеже веков / Под ред. С.А.Минеевой и К.И.Шнейдера; Западно-Урал. учеб.-науч. центр. Пермь, 2000. С.51-69 (1,3 п.л.).

10. «Самые черные дни у нас еще впереди»: консерваторы о будущем России накануне первой мировой войны // Консерватизм и цивилизационные вызовы современности: Матер. междунар. науч. конференции / Под ред. П.Ю.Рахшмира; Перм. ун-т. Пермь, 2000. С.99-106 (0,6 п.л.).

11. «Не губить Россию в ядовитых объятиях капиталистического строя»: консерваторы капитализм и реформы, 1907-1914 // Вестн. Перм. ун-та. 1999. Вып.4. С.125-141 (1,2 п.л.).

12. Консерватор и реформа: С.Ф.Шарапов о столыпинской России // Политика и культура в контексте истории: Матер. междунар. науч. конференции / Под ред. П.Ю.Рахшмира; Перм. ун-т. Пермь, 1998. С.30-34 (0,3 п.л.).

13. Консерватизм и представительное правление: теория и практика представительного правления глазами российских консерваторов кануна первой мировой войны // Вестн. Перм. ун-та. 1998. Вып.2. С.142-159 (1,8 п.л.).

14. Русский консерватизм и самодержавие // Консерватизм и либерализм: созвучия и диссонансы: Матер. междунар. науч. конференции / Под ред. П.Ю.Рахшмира; Перм. ун-т. Пермь, 1996.С.64-70 (0,4 п.л.).

15. Рецензия на кн.: Rawson D. C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1995 // Вопросы истории. 1997. №5. С.107-110 (0,3 п.л.).

16. Парламент самодержавной России. Государственная Дума и ее депутаты, 1906-1917. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 168 с. (10 п.л.) (В соавторстве с И.К.Кирияновым).

17. Россия в начале XX в. Методические рекомендации для учителей истории / Перм. обл. ин-т усовершенствования учителей. Пермь, 1990. – 83 с. (5 п.л.) (В соавторстве с И.К.Кирияновым).

Подписано в печать 30.06.2004. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,0. Уч. изд. л. 2,3. Тираж 120 экз. Заказ №

Типография Пермского госуниверситета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.